

АСМОДЕЙ

Юрий
Корнилов

Юрий Корнилов

**Асмодей, или Второе
крещение Руси**

«Innovation Systems, Inc.»

2013

Корнилов Ю.

Асмодей, или Второе крещение Руси / Ю. Корнилов —
«Innovation Systems, Inc.», 2013

Пьеса «Асмодей, или Второе крещение Руси» написана автором в жанре трагифарса на основе подлинных документов и сведений, хранящихся в библиотеках европейских стран и России. Жанр театральной драматургии позволил выпукло и ярко представить характеры, образы и мотивы поведения действующих лиц, принимавших участие в событиях октябрьского переворота – «Великого Октября» 1917 года. Произведение является вкладом автора в развенчание ложных коммунистических идеалов и раскрытие подлинных исторических фактов, в свое время извращенных советскими историками в угоду политическому строю и партии коммунистов бывшего Советского Союза.

© Корнилов Ю., 2013

© Innovation Systems, Inc., 2013

Содержание

От автора	6
Действующие лица	8
Пролог	9
Картина 1	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Юрий Корнилов

Асмодей, или Второе крещение Руси

Пьеса-покаяние в 6 картинах

© Юрий Корнилов, 2013

© Yury Kornilov, 2013

Max E-Publishing

2252 Keylon Dr., West Bloomfield, MI 48324

Телефон +1 (248) 366-8311

Факс +1 (775) 542-2405

<http://www.maxepublishing.com>

<http://www.maxepublishing.ru>

Max E-Publishing – торговый знак компании Innovation Systems, Inc.

Все права защищены.

Ни одна часть этой книги не может быть воспроизведена или передана в какой-либо форме или какими-либо средствами, включая электронные, механические, фотокопирование, запись или другие, без письменного разрешения издателя. За информацией о получении разрешения на перепечатку или цитирование обращайтесь по адресу 001@comcast.net.

Уведомление об ответственности.

Информация, представленная в этой книге, распространяется без каких-либо изменений, непосредственно в том виде, в котором она была предоставлена для издания. Хотя при подготовке книги приняты все меры предосторожности, издательство Innovation Systems, Inc. (Max E-Publishing) не несет никакой ответственности перед какими-либо частными лицами или организациями в отношении каких-либо потерь или ущерба, вызванного или причиненного, прямо или косвенно, содержанием данной книги.

ISBN-10: 0988454793

ISBN-13: 978-0-9884547-9-8

От автора

В моей почти полувековой научно-педагогической деятельности необходимо было много, даже очень много читать классиков марксизма-ленинизма, поэтому у меня ещё в Университете возникали определённые сомнения, высказывать которые категорически запрещалось. Да и в детстве моём случилась трагедия, которая долго меня «не отпускала» и только укрепляла мои сомнения. Случилось это весной 1940 года, мне было 12 лет. Жили мы тогда в Сибири, в Иркутске, где неожиданно обнаружилась связь нашей семьи с пропавшим в Гражданской войне моим дедушкой – царским генералом Н.Корниловым. Знал я его только по старинным фотографиям, о которых мне категорически запрещалось кому-либо говорить.

Отца тут же вызвали в НКВД и строго сказали, что ради благополучия семьи нужно отказаться от «предателя революционной России». Отец не согласился, и вскоре нас вышвырнули из квартиры прямо на улицу. Подобрал нас ничего не испугавшийся папин друг Исай Моисеевич Гершевич, и со всем скарбом поместил нас у себя в дровяном сарае. Помню, как мама тогда говорила: «Чтобы не было хуже, надо молчать». А папа радовался: «Слава богу, не упекли в Магадан». Долго эта детская травма не давала мне спать.

Я получил гуманитарное образование и вынужден был в работе «исповедовать» марксизм-ленинизм, как евтушенковский «сосед учёный Галилея», который «знал, что вертится земля, но у него была семья». Так мы всю жизнь и провели с чекистской удавкой на шее, истошно крича «слава партии родной». Гуманитарии делали это с особым усердием и буквально расшибали лбы, молясь установленным государством лжекумирам. Молились преступно-цинично, что осуждала даже Библия (Матф., гл. 6, ст. 5). Все мы тогда прямо или косвенно были свидетелями или участниками творящегося зла.

Только в 1991 году мы вздохнули свободно, я даже создал свою кафедру Культурологии, где в нашей учебной программе полностью отказались от «людоедской» публицистики марксизма-ленинизма. Тогда я уже чётко понимал, что коммунизм и фашизм – две стороны одной медали (Европа осознала это только в 2010 году).

Уйдя на пенсию, я чётко осознал, сколь виноват перед тысячами своих студентов, так и не решившись сказать им правду, которую давно уже знал сам. Тогда у меня стал созревать образ коммунизма, как социальной болезни 20-го века, вылечить которую можно только через Нюрнберг-2. Я снова засел за Ильича – совсем под другим углом зрения, и вскоре попал в Библиотеку им. Тургенева в Париже, где на меня буквально обрушились горы книг, журналов и газет, которые были нам в советское время знакомы только по названиям. Я окунулся в эту «очаровательную бездну», сколь возможно «перелопатил» её, добавил уже свободно изданные у нас архивы и книги – от Троцкого и Керенского до Улама и Ричарда Пайпса. И когда

«очнулся» от этой многолетней работы, то увидел совершенно нового Ильича – о котором я и решил поведать своим бывшим студентам. Да и не только им.

Материала было столько, что он меня «давил» и мне нужно было выбрать какой-то ключевой момент, который бы раскрыл принципиальные черты большевизма и его основателя. Я остановился на двух днях большевизма, как их впоследствии называли – «великой революцией великого вождя», которая была началом нового «самого гуманного в мире» государства. И самое интересное оказалось в том, что не было не только никакой «великой революции» – не было революции вообще. Асмодей вновь обвёл всех вокруг пальца.

Как говорят: начало – всему голова. Прочтите, каким было это начало – и я думаю, Вы поймёте, что после подобного сюжета ожидать от ленинского государства правды и гуманизма было невозможно.

Так я, каясь перед своими студентами, попытался вписать свою небольшую строчку в огромную «чёрную книгу коммунизма», которую уже не первый год с ужасом и изумлением читает весь цивилизованный мир.

Так я отдаю мой долг своим студентам: на этих страницах я ни на йоту не приукрасил, не слукавил – но честно изложил то, что знаю, представив это в форме трагифарса. Насколько удачно это получилось – судить не мне.

Юрий Корнилов

Действующие лица

Ленин
Троцкий
Сталин
Каменев
Зиновьев
Свердлов
Голощёкин Шая – друг Свердлова
Шляпников – большевик, глава Русского Бюро ЦК
Подвойский – председатель ВРК Петросовета, большевик
Крупская – жена Ленина
Керенский – председатель Временного Правительства
Терещенко – друг Керенского, министр иностранных дел
Полковников – командующий Петроградским округом
Дан, Фёдор Ильич – председатель ВЦИК Советов России, меньшевик
Мартов Юлик, меньшевик
Людендорф – начальник германского Генштаба
Рейхсминистр иностранных дел
Парвус – коммерсант
Шнайдер – председатель Петроградской Думы
Гласный Петроградской думы
Фофанова Маргарита – хозяйка конспиративной квартиры
Рахья Эйно – большевик
Миша – близкий помощник Троцкого
Адъютант Керенского
Солдаты

Посвящается моим студентам, которым я долгие годы морочил голову «марксистско-ленинским учением».

«Развитое общество начинается с прощания с ложными идолами».

Пайнс Р. *«Россия при старом режиме».*

«Нам нужно когда-нибудь найти новые ценности».

Ницше Ф. *«Воля к власти»*

Пролог

В феврале 1917 года, во время Первой мировой войны, в России произошла революция. Ленин к этому времени уже десять лет был в эмиграции и жил тогда в Швейцарии. Абсолютно неожиданная для него революция заставила его, вместе с другими русскими социал-демократами, искать быстрые пути возвращения на Родину. Ленин очень торопился и готов был на любой путь, хотел даже перелететь линию фронта на аэроплане. А немецкая контрразведка давно уже изучала живущих в эмиграции лидеров русской социал-демократии с целью «возможного их использования».

Вскоре после февральской революции в кабинете начальника германского Генштаба генерала Людендорфа состоялась встреча с известным немецким негодяем Израилем Парвусом – человеком, довольно близким к разведке.

Кабинет Людендорфа. Его хозяин и Рейхсминистр иностранных дел беседуют с Парвусом.

Людендорф: Вы утверждаете, господин Парвус, если мы переправим господина Ленина с «товарищами» в Россию, он способен организовать там политический хаос?

Парвус: Да, ваше превосходительство.

Людендорф: Но там только что произошла революция?

Парвус: Точнее переворот, но войну ведь это не остановило, чего вы так ожидали, а у Ленина, ваше превосходительство, главный девиз: долой империалистическую войну, даешь пролетарскую революцию, которой он бредит двадцать лет. Через два-три месяца, с его напором, хаос Петрограду обеспечен.

Людендорф: Откуда такая уверенность?

Парвус: Я слишком хорошо знаю этого человека.

Людендорф: Из лидеров русских социалистов Троцкий вам ближе? Ведь именно с ним вы в девятьсот пятом году создали в Петербурге Совет рабочих депутатов, куда Ленина даже не подпустили?

Парвус: Троцкий, конечно, умнее, но эти люди – одного поля ягоды и друг друга стоят. Троцкий сейчас в Америке, хорошо там устроен, а Ленин рядом, в Швейцарии, рвётся домой. У него есть преимущество: в России его ждёт партия, небольшая и хромяя на обе ноги. А у Троцкого там только кучка троцкистов-«межрайонцев» тысяч на пять. Если он в Россию вернётся и встретит там Ленина, неминуемо возникнет «гремучая смесь» и усилит процесс «брожения» – эти авантюристы друг друга на дух не переносят.

Людендорф (министру): Можно помочь Троцкому приехать?

Министр: Думаю, что да. Можно подумать.

Людендорф (Парвусу): Что за партия у Ленина?

Парвус: Точнее, это фракция большевиков-марксистов в партии русских социал-демократов, которую Ленин назвал партией – там собрались мошенники и аферисты с бандитскими замашками.

Людендорф: Такое уродство могла создать только Россия.

Министр (примиряя): Господин генерал, нам с ними не детей крестить, мы выполняем план Его Величества – революционизируем Россию.

Людендорф (задумался): Бисмарк называл её страной парадоксов: ни Возрождения, ни Просвещения, ни Реформации – откуда у неё при великом рабстве такое великое искусство...

Парвус: Оно, ваше превосходительство, питалось европейским духом, потому больше воспитывало Европу, чем Россию.

Людендорф: Да, триста лет Дома Романовых воспитали народ азиатами, которые так и не научились управлять своей безбрежной территорией. И, видимо, никогда не научатся.

Парвус: Ленин, ваше превосходительство, мне как-то сказал: «Россию может возродить только „второе крещение“, крещение свободой и правдой марксизма».

Людендорф: Сделать марксизм религией? Наивный человек. А вы уверены, господин Парвус, что Ленин со своей фракцией головорезов способен решить столь важную для Рейха задачу?

Парвус: Конечно, ваше превосходительство. Этот сильный человек давно не у дел, занимается газетным склочничеством да финансовыми махинациями, за что Плеханов не раз требовал его исключения из ассоциации евросоциалистов. У него колоссальная внутренняя энергия и откровенно диктаторские замашки. Если ему сказать, что он нужен революции, да поманить деньгами – пойдёт на любую авантюру.

Министр: Он, господин генерал, остался один и от отчаяния даже засобирился в Америку.

Людендорф: Ясно. Господин Парвус, вы Ленина знали очень близко, даже были с ним в одной партии, он увлекался вашими книгами, говорят, даже не спорил с вами, боясь вашей эрудиции? Что он за человек?

Парвус: Человек он умный, но без широты мышления. Писания его агрессивно-примитивны, с неумелыми перепевами Маркса, доходящими до глупости: например, марксов «Призрак коммунизма» из «Коммунистического манифеста», который «бродит по Европе», застилает ему глаза.

Людендорф: А в быту?

Парвус: В быту совершенно свободен от мук совести. Как-то у себя в «Большевистском центре» захотел печатать фальшивые деньги. Уже бумагу в Финляндии закупил. Это возмутило социалистов Европы и они поставили вопрос о его морали. Мировая война спасла его от очередного партийного суда.

Людендорф: Хорош «крестник свободы и правды»!

Парвус: Ради «крещения марксизмом» он готов задавить любую здравую мысль и оправдать самую низменную цель.

Людендорф: Например?

Парвус: Ленину всегда не хватало денег и со своими молодчиками он широко организовывал различные финансовые аферы и бандитские налёты. Для этого у него были специальные люди: «эксы» – экспроприаторы, где особо отличались Сталин в Грузии и Свердлов на Урале.

Людендорф (*засомневался*): Да, личность паршивенькая... Бисмарк был прав, когда предупреждал: хотите убедиться в глупости марксизма, отдайте ему на растерзание маленькую страну. А мы нацелились на огромную Россию. Что там понатворят эти мошенники и бандиты? (*Парвусу*) Почему вы так уверены, что Ленин примет наше предложение?

Парвус: Мы, ваше превосходительство, вытаскиваем его из десятилетнего политического небытия, возвращаем в Россию. Да ещё и деньги даём. Он о таком и мечтать не мог.

Людендорф: Понятно, господин Парвус. Но для денег нужна надёжная финансовая линия, с очень надёжными людьми. Идёт война. Мы с Россией враждебные стороны.

Парвус: Ваше превосходительство, ваш главный оружейник Крупп покупает запалы к своим снарядам в Англии – у вашего врага, через нейтральные страны. Я, с вашей помощью, торгую с Россией через мою компанию в нейтральной Швеции. Компанию возглавляет друг Ленина – Ганецкий. Он прислал его ко мне в качестве «своих глаз и ушей». Но я его для верности «перекупил». А у Ганецкого в Петрограде обширные связи и свои люди.

Людендорф (*размышляя*): Резонно, господин Парвус. Но Ленин будет знать источник всей операции... и источник денег?

Парвус: Ваше превосходительство, для Ильича, как говорят, «деньги не пахнут». И он очень рвётся домой.

Людендорф (*всё понял и решил*): Благодарю вас, господин Парвус. Разрешите нам с господином Рейхсминистром обсудить ваше предложение.

Парвус: Разумеется, ваше превосходительство. Разрешите откланяться.

Людендорф (*не вставая*): Всего доброго, господин Парвус (*Парвус кланяется и уходит*).

Министр: Что скажете, господин генерал?

Людендорф: Оба – мошенники, но выбора у нас нет. Операция рискованная и никто не знает, чем она может закончиться.

Министр: Как говорят: игра стоит свеч.

Людендорф: Мне кажется, мы будем играть вслепую. Парвус у нас получал недавно пару миллионов.

Министр: Получал, господин генерал – они пошли на февральскую революцию в России. Отчёт утвердил Рейхсканцлер.

Людендорф (*с сомнением*): Не опасно, граф? Деньги даём большие...

Министр: Пойдут траншами: обманет – дальше не получит. Парвус здесь человек жесткий. Да и от нас он полностью зависит: вся его торговля с Россией в наших руках.

Людендорф: А сам Парвус чист на руку?

Министр: Господин генерал, как говорят в России, у этого негодяя денег куры не клюют. Он необычайно богат. И Россия ему нужна как большой рынок.

Людендорф: Хорошо, граф, как я понимаю, вербовать Ленина смысла нет – там уже Парвус поработал. А Троцкого на закваску не прикупим? В качестве «детонатора» к Ильичу?

Министр: По нашим данным, он уже собирается, но прямой связи с ним нет.

Людендорф: Хорошо. Осталось определить способ переброски всей ленинской компании.

Министр: Через линию фронта небезопасно, их там человек двадцать пять.

Людендорф: Нет, нет – надо найти что-то совершенно безопасное.

Министр: Если не возражаете, Рейхсканцлер предлагает через Германию в спецвагоне, с двумя дежурными офицерами вашей разведки. Без допуска любых проверяющих: «запломбируем» вагон, так сказать. А дальше северные нейтральные страны.

Людендорф (*секунду подумав*): Прекрасно. По территории Германии под охраной Генштаба, а дальше свободное плавание.

Министр: Кстати, в Стокгольме Парвус предложил для всей компании организовать приём у мэра, а в газете дать материал на первой полосе: «торжественное возвращение на родину вождя русской революции», с портретом Ленина.

Людендорф: Раздувайте этого «вождя» хоть до Папы Римского. Чем больше, тем лучше.

Министр: Тогда, с вашего разрешения, я докладываю Рейхсканцлеру, и он немедленно идёт к Его Величеству.

Людендорф: Начнём, граф, «крещение России марксистской правдой».

Министр: Его Величество давно ждёт вашего решения... (*с усмешкой, но не желая обидеть Кайзера*): Ленин будет в России к Пасхе и Его Величество предложил послать с ним пасхальные подарки.

Людендорф: Передайте Его Величеству, что мы посылаем в Россию великолепный пасхальный подарок: «попа» в запломбированном вагоне вместе с его присными, для «марксистского крещения Руси». Я дам вам, граф, в Петрограде свою лучшую агентуру.

Министр: Спасибо, генерал, Его Величество будет доволен.

Людендорф: Будем надеяться. А теперь, граф, как принято у военных, дадим нашей операции кодовое название. Ваше предложение?

Министр (*подумав*): Мы засылаем в Россию злую силу, несущую бедствия. Получается – Асмодей?

Людендорф: Прекрасно получается. Если план удастся, этот Асмодей загонит Россию в тупик.

Министр: А может, и развалит её.

Людендорф: Мне хватит, если он развалит Восточный фронт. Денег Генштаб не пожалеет.

Министр: Рейхсканцлер того же мнения, и Его Величество поддерживает.

Людендорф: Итак, начинаем операцию «Асмодей»!

Министр: Как говорят русские: лиха беда начало!

Картина 1

Так в разгар Первой мировой войны, 4 апреля 1917 года, Ленин с товарищами возвращается в революционный Петроград. Троцкий приезжает месяцем позже. И уже через три месяца, в июле, Ленин организует в городе вооруженный мятеж, подавленный Керенским. Испугавшись разгрома, а больше документов о немецких деньгах, оказавшихся в руках правительства, Ленин прячется в подполье. Его же соратники, отсидев два месяца в тюрьме, вместе с Троцким начали плести хитрый антиправительственный заговор. Ленин тайно возвращается в Питер только через три месяца, в самом начале октября, ничего не подозревая о происходящем.

Петроград. Конспиративная квартира большевиков, где собирается ЦК на своё очередное заседание. Бодро входит Свердлов с картой города, разворачивает её на столе.

Свердлов (*рассуждает*): Итак, что мы имеем на 20 октября? Мы имеем «что Троцкий прописал»: главное, сказал Лев Давыдович, столица – она решает всё. Надо незаметно «обволакивать» её нашими людьми с винтовочками, забирая «под себя» без всяких революций, и получить власть на Съезде Советов как приз на гонках. Это надо же такое придумать! (*шутливо*): И не «дергайтесь», господин Керенский! Пулемётики у нас на случай почищены. Кроушки мы не хотим: до войны с Ильичём нахлебались – деньжата для партии добывали. «Мокруха» наша просыхать не успевала. Ладно (*свёртывает на столе карту и берёт из шкафа папку*), тут всё в порядке, посмотрим, что сегодня будет на ЦК. Старик ни хрена слушать не хочет – ему восстание подавай, а у нас Съезд через пять дней.

Шая (*входя*): Здорово, Яша!

Свердлов (*обрадовано*): Шая, дружище, здорово (*обнимаются*). Припозднился ты, однако?

Шая: В чём вопрос, Яша: твоё дело шил – делегатов на Съезд ковырял. Чего вы опять тут без Хозяина раздухарились?

Свердлов: Власть, Шая, на кону. Власть!

Шая: Предупреждаю: Урал голодный – на штыки не пойдёт.

Свердлов: Шая, зачем штыки, когда есть Лев Давыдович Троцкий, практичный, как у Сары ручноймыльник. Это же «аидишен копф»! Когда мы в сентябре вместе с Троцким из «Крестов» вышли, на выборах в Петросовет проскочили, а его избрали Председателем, собрал он всех наших и говорит: «Люди, революция сегодня – полная балда. Ильич наш ещё прячется – давайте-ка на Съезде Советов, а он у нас через месяц, сварганим в городе маленький партийный переворотик». Вот ты и «ковырял» для нас уральских пацанов.

Шая: Без Старика переворот? Да вы чё, Яша, умом рехнулись? Он приедет – головы вам поотворачивает...

Свердлов: Приехал пару недель назад. Неделю по тайным хазам ныкался – никто не знал, где Хозяин ночует. А как появился, так Лёвушку за жабры: «Все вы тут прохвосты – о революции совсем забыли. Занялись каким-то дерьмом!»

Шая: А чё вы хотели услышать? Он революцией ушиблен навсегда. А тут ещё и Троцкий. Он его всегда крестил «политической проституткой». И что это вдруг он так его полюбил: принимает в партию прямо на Съезде, когда тот в «Крестах» сидит, да ещё и в ЦК запикивает?

Свердлов: Понимаешь, Шая, когда Троцкий в мае из Америки вернулся, Старик его быстренько «обжал». А тот не дурак – всё вкурил: Старик у Бёков Хозяин: старое боевое знамя – чего трепыхаться, коль опоздал. А уже в августе, когда шел наш Съезд, я привёз Старика в Разлив, где он скрывался, список членов ЦК на утверждение, и он мне тогда сказал – Троцкого не только в партию, но и в ЦК протащить обязательно – в России такую голову лучше иметь при себе.

Шая (*с усмешкой*): Яша, но как старый член ЦК я заявляю – Съезд по Уставу избирает ЦК, а вот в партию принимать права не имеет.

Свердлов: Когда Старику надо, у него свое право. Вспомни, как он тебя в Праге, в двенадцатом году, даже на Конференции, где и было-то всего двадцать человек, спокойненько запищал в ЦК. Да и меня заодно, никогда в глаза не видя. Для Старики, Шая, Устав – это записная книжечка. С личными пометками.

Шая: Да за эту «книжечку» они всю жизнь, как два голодных кобеля за кость. И ты всегда за Стариком «ходил». Он тебя как «свою карту» на Первом Съезде Советов даже во Всероссийский ЦИК толкнул?

Свердлов: Шая, играть надо, как карта ляжет – Старик у нас всё в бегах и ситуацию из газет читает – не понимает, что сегодня народ на все революции и партии положил с прибором, ему Советы всякие подавай. А Старик нам всё цидули слал. Из Финляндии вот писал (*достаёт листок из папки и читает*): «У вас там Керенский в Александринском театре проводит Демократическое совещание – вы будете предателями и негодьями, если не окружите театр и не арестуете эту свору вместе с правительством». А своры этой, Шая, в театре тысячи полторы. Бред какой-то! У нас же в руках Петросовет во главе с Троцким, а это хорошая маза взять власть на Съезде. Да и везуха нам вдруг пошла...

Шая: Какая?

Свердлов: Из-за чего, думаешь, Троцкий засуетился? ЦИК во главе с Даном, наша «Звёздная палата», против Съезда заартачилась: война, не время. А Лев Давыдович удила-то закусил: не созовёте по закону, будет решение Питерского и Московского Советов. Ах, так! – взвилась «Палата»: так пусть ваш Петросовет и занимается его подготовкой! Троцкому это, как масло по душе. А тут, надо же, ещё и слухи поползли, что Керенский хочет сдать Питер немцам. Слухи были тупые, но Троцкому в масть.

Шая: Это почему?

Свердлов: А потому что меньшевички, эти сраные мЕки, в штаны наложили: засуетились да строго затребовали немедленно создать в Петросовете «Комитет обороны города» и передать ему Красную Гвардию да вооруженных рабочих для охраны порядка перед Съездом. Вот тут-то Лев Давыдович и обул этих «ермолаев» пару раз.

Шая: Не вкурил...

Свердлов: И никто сначала ни черта не понял, а Давыдыч, пока нет Старики, вводит в этот Комитет Военку нашего ЦК и называет всю эту бодягу Военно-революционный комитет Петросовета, ВРК. Понимаешь, кто теперь власть на Съезде будет брать?

Шая: Петросовет...

Свердлов: Многопартийный, Шая, Петросовет, а мы, беки, при такой игре, спрятаны в нём под надёжной советской крышей. А во главе этого ВРК Троцкий ставит нашего Колю Подвойского, и начинает Коля по решению Петросовета, потихоньку, незаметно, с винтовочкой в руках «обволакивать» наш город. Сегодня он почти у нас в руках. И люди думают – идёт организация охраны порядка перед Съездом.

Шая: Старик вас пришибёт.

Свердлов: Как видишь, не пришиб, да и поздно уже! Пять дней до Съезда – Троцкого уже не свернуть, да и Старик всё по хазам прячется, на улице почти не бывает, но ходит в сутане, бритый, в парике. На носу днём и ночью синие очки.

Шая (*ошалело*): Почему синие?

Свердлов: А чёрт его знает. Конспирация, видно, такая.

Шая (*с сомнением*): У вас всё готово, а я-то тебе здесь зачем?

Свердлов: Головняк есть, Шая. Письма Хозяина, которые сжечь не успели...

Шая: Обалдеть: жгли письма Старики!?! А он-то знает?

Свердлов: Донесли. Но я кое-что уберёг и хочу, чтобы ты надёжно спрятал.

Шая (*с ехидцей*): Хочешь «сыграть на потом»?

Свердлов: Хочу, чтобы их здесь не замотали. Всякое бывает...

Шая: Понял, Яша, Урал – могила.

Свердлов: Вот тебе папка (*подаёт*). Билет на завтра как член ЦИКа я тебе выпишу. Переночуешь у меня. Вот ключи (*подаёт*), сначала занеси папку, а потом гуляй. Я буду чёрт знает когда – через пару часов ЦК. Деньги у тебя есть?

Шая: Хочешь отслужить от жалования ЦИКа, куда тебя Старик запихал?

Свердлов: А это как угодно, можно и от партии.

Шая (*вспомнил, заинтересованно*): Яша, а как думаешь, Ильич германца на деньжата крутанул?

Свердлов: Думаю, что да: иначе бы так не темнил да и не прятался. Да и форсОцов у нас «гуляй – не хочу»! Правда, Старик с Троцким свои капиталы слили в одну кубышку и из неё платят нам жалование.

Шая (*понимающе*): Ты смотри, «кака беда»! И как жалуют?

Свердлов: Прапор, Шая, получает в месяц 60 рубликов, а наш член ЦК 1000, а то и больше. Вот тебе 500 и валяй развлекаться.

Шая (*удивлённо*): Ни хрена уха?!

Свердлов (*довольный*): Для милого дружка...

Шая (*рад*) ... «така» серёжка из ушка. А вон на тебе ещё «кака серёжка» (*щупает куртку на Яше*). Кожа – настоящая.

Свердлов: Эту «серёжку» царь для армии пошил, да надеть не успел. Вот и дали членам ЦИКа. Шая, хватит трепаться, гребни домой.

Шая: Понял, Яша, ауфвидерзейн – исчезаю. (*Ушел. Свердлов разворачивает карту*).

Свердлов: Что-то было ещё! (*вспоминает*). Да, Кронверк выдал ещё (*щипет бумажку*). Ага, вот она: 5000 винтовок, 1000 наганов и патронов по хорошей порции. А ещё Серпуховский арсенал обещал (*щипет бумажку. Входит Шляпников*).

Шляпников: Твой Шая приехал?

Свердлов: Обстановку на Урале докладывал: выступать не хотят. Оголодали. Съезда ждут. (*Нашел записку*). Вот она, Серпухов – неплохо. Итого получается... (*записывает*).

Шляпников: Керенский с фронта вернётся – всех вас снова в «Кресты».

Свердлов: А это мы, Саша, ещё будем посмотреть...

Шляпников: Как не смотри, а Ильичу с вашим Съездом вы все нервы вымотали. Весь извёлся.

Свердлов: Это не Съезд, Саша, это, как мы посчитали, у него шестая революция с крючка срывается.

Шляпников (*огрызаясь*): Вы уже, кажется, до ручки договорились!

Свердлов (*спокойно*): Саша, а ты прикинь? Первая в девятьсот пятом. Троцкий с Парвусом создают Петросовет, а Ильича к нему близко не подпускают, потому что появился он в России к шапошному разбору, когда царь уже амнистию объявил. Революцию подавили, Троцкий с Парвусом добровольно пошли в «Кресты» и в Сибирь. А Ильич рванул в Европу, так 10 лет там и просидел. Там же у него второй облом. В пятнадцатом году, додуматься надо, загорелся поднять революцию в Швейцарии: убеждал там социалистов, что маленькая страна может всколыхнуть всю Европу. Даже программу им сочинил, в их партию вступил, стал двухпартийцем, а когда понял, что ничего не получается, от отчаяния в Америку засобирался. Ну, а третья, наша февральская, которую он элементарно в Европе просрал, а потом удивлялся: как же это так получилось. Без него.

Шляпников (*скептически*): Ну, ты и фантазёр!

Свердлов: Никак нет. Несёмся дальше – к четвёртому облому. Ты помнишь, что Ильич под общий смех провозгласил на Первом Съезде Советов? «Мы такая партия – власть брать!»

И рванули мы с ним через месяц, в июле, но Керенский нам по морде надавал, а Ильич снова в подполье рухнул. До сего времени сидит. Или что-то не так?

Шляпников: Всё на Ильича хочешь повесить?

Свердлов: А кто у нас голова? Он так и пятаю хотел в Финляндии быстренько через пару месяцев сварганить.

Шляпников: Ну, знаешь, Яша! Какая революция в Финляндии? Там недавно прошли выборы в Центральный Совет депутатов. А Ильич там просто жил в подполье...

Свердлов: Жил, Саша, да не просто. Выборы выиграли, как ты знаешь, наши, а главой этого Совета избрали Смилгу. Так Ильич его, после избрания, изнасиловал по полной выкладке: скакать, не ждать! Даёшь быстро революцию! А тот его нежно на хрен послал. Спроси Смилгу. И вот сегодня – шестая попытка! А тут Троцкий со своим Съездом Советов. Вот и психует наш двупартиец – снова проиграть боится.

Шляпников: А для чего, Яша, по твоему, Ильич партию создавал? Власть брать или в бирюльки играть?

Свердлов: Так вот с властью-то, Саша, революции у «партии нового типа» никак не получается. А что создавал Ильич, так нам Троцкий рассказывал: мечтал он о партии железной и всеподслушной, о партии «сухого террора»: сказала она, что чёрное это белое – чтобы ни одна душа не прекословила. Так до сего дня и хромаем.

Шляпников: Троцкистская басня, достойная этого аморального типа...

Свердлов: О морали Ильича ты лучше помолчи. Одну «моральную басню» он как-то даже рассказал на одном из судов европейских социалистов: если, говорит, в партии раскол, то лидер в политической борьбе освобождается от всяких моральных ограничений. У девяти судей мозги расплавились. Его друг Юлик Мартов назвал его за это политическим шарлатаном.

Шляпников: Но это не даёт вам право отвергать сегодня революционный план Ильича.

Свердлов: Саша, в июле «по его плану» мы уже попытались, и что? Мы в «Кресты», а Ильич в бега. Недавно появился и опять: «даёшь пролетарское восстание»! А мы тут совсем по другому мекаем...

Шляпников: Против Ильича! Как быстро вы стали правоверными троцкистами.

Свердлов: Слушай, прекрати свой трёп: как ты знаешь, Сталин на дыбы вставал, но Ильич Троцкого и в партию, и в ЦК всё-таки «продал». Хотя ни того, ни другого на Съезде не было. *(Входит взволнованный Троцкий)*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.